

16. *Гришаев Н.И., Кригер Г.А.* Соучастие по уголовному праву. – М., Госюриздат, 1959.
17. *Свидлов Н.М.* Специальные нормы и квалификация преступлений следователем. – Волгоград, 1981.
18. *Горелик А.С.* Конкуренция уголовно-правовых норм. – Красноярск, 1998.
19. *Кузьмина С.* Ответственность за подстрекательство и понуждение к даче заведомо ложных показаний // Законность. 1993. № 8.
20. *Ковалев М.И.* Соучастие в преступлении. Часть первая. Понятие соучастия // Ученые труды Свердловского юрид. ин-та, Т. 3, 1960.
21. *Ковалев М.И.* Соучастие в преступлении. Часть вторая. Виды соучастников и формы участия в преступной деятельности. – Свердловск, 1962.
22. Российское уголовное право. Особенная часть / Под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. – М., 1997.
23. Новое уголовное право России. Учебное пособие. Особенная часть / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой – М., 1996.

С.С. Кунаев

**РЕТРОСПЕКТИВА ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЛИЦ,
СОВЕРШИВШИХ ПРЕСТУПЛЕНИЕ В СОСТОЯНИИ АЛКОГОЛЬНОГО
ОПЬЯНЕНИЯ, В РОССИИ (ОТ РУССКОЙ ПРАВДЫ ДО 1917 ГОДА)**

Исторический анализ ответственности лиц за совершение преступления в состоянии алкогольного опьянения помогает выявить определенные тенденции и закономерности, самобытность и традиции российского народа.

Анализ различных источников позволяет констатировать, что полностью отсутствуют публикации по истокам антиалкогольного законодательства Древнерусского государства.

Древнерусское право возникает вместе с Древнерусским государством. Следовательно, хронологические рамки этого явления столь же неясны. Установить точную дату трудно, так как первой формой выражения правовой нормы являлся обычай, который на тот момент не документировался.

Важнейшим законодательным памятником Древнерусского государства являлась Русская Правда, которая включала в себя нормы различных отраслей права.

В письменных памятниках древнерусского периода нашей истории часто встречаются указания на пиры и братчины. Пир – «долго продолжающийся торжественный обед (ужин) для большого числа приглашенных с обильным угощением, хмельными напитками и увеселениями» [1]. Слово «братщина» И.Д. Мартысевич понимал как группу «соседей, объединившихся между собой с целью организации в складчину общественных пирушек» [2. С. 117], которая могла рассматривать мелкие дела, вроде оскорблений и драк во время пира [2. С. 118].

Пиры были одной из форм общественной жизни в средневековье, сложившейся на более ранних этапах развития общества. Известны княжеские пиры в X–XII вв. с участием бояр, гридей, на которые специально приглашались деклассированные элементы города, пиры у бояр и богатых горожан в XI в., городские братчины в XII в., монастырские пиры в конце XII в., сельские пиры и братчины в XIV в.; на пирах допускались словесные турниры между представителями разных социальных групп, не принятые в обычной жизни.

На пирах и братчинах при большом скоплении народа естественным образом могли совершаться преступления: убийство, воровство, кражи, драки, оскорб-

ления и т. д., которые, как правило, рассматривались княжеским судом, а дела о кражах – судом братчины.

Начиная с 1463 г., право производить, хранить и продавать алкогольные напитки стало принадлежать уже государству. Частным лицам эти виды деятельности были запрещены. В этой связи в «Записи Псковской о церковном суде» (1477) сказано, что «княжим людем корчмы по дворам не держать, ни во Пскови, ни на пригороде, ни в ведро, ни в корец, ни бочкою меду не продавати» [3]. Однако это ограничение не распространялось на мед, пиво и вино, произведенные для домашнего употребления в дни праздников: «А в городе на Устюжне питье держати в году на четыре праздники: на Велик день неделя, на Дмитриевскую субботу неделя, на Николин день осенней неделя, на Масленой неделе неделя; а проче тех праздников питье им не держати...»[4]. Но городским и сельским жителям запрещалось производить алкогольные напитки не только для продажи, но и для собственных нужд. Так, в «Наказе о суде и расправе в Заонежских погостах (1598–1605)» записано, чтобы «...крестьяне и иные всякие люди корчемного питья не держали. Вин не курили и пив не варили, и медов не ставили» [5].

С 1553 по 1651 г. в Русском государстве существовала смешанная форма управления питейными сборами. Поэтому, наряду с государством, право производить, хранить и продавать алкогольные напитки имели и частные лица, круг которых был ограничен сословно. С XI в. питейные дома стали тем местом, где интересы производителя, продавца и покупателя совпадали. Приблизительно с начала X–XI вв. они назывались «корчмой». С 1553 г. они стали именоваться «кабаком». «Корчмой называлось место, – писал И.Г. Прыжов, – куда народ сходил для питья и еды, для бесед и попоек с песнями и музыкой. У западных славян в корчмах приставы передавали народу постановления правительства, судьи творили суд, разбирались дела между приезжими людьми, и корчмы долго заменяли ратуши и гостинные дворы» [6].

В 1545 г. войска Ивана IV при наступлении на Казань сожгли ханские кабаки, которые в летописи назывались «царскими». Возвратившись из Казани, русский царь приказал построить «на Балчуге» (на топи) особый дом для опричников, названный по-татарски «кабаком». В переводе на русский им назывался постоянный двор, где продавались приготовленные блюда для еды и алкогольные напитки. Русский же кабак торговал только спиртными напитками, он стал местом официальной продажи водки. В кабаках водка употреблялась без закусок, что вело к быстрому опьянению. Сюда собирался не столько «народ», сколько пьяницы – «питухи». Все доходы от продажи полностью передавались в русскую казну. Кабак полюбился русскому царю, и из Москвы стали предписывать наместникам областей о закрытии корчемных домов и открытии кабаков.

Таким образом, водка становится источником государственного дохода и средством управления: «Пьяным народом легче управлять», – утверждала императрица Екатерина II.

Монополизация государством производства, хранения, провоза и продажи алкогольных напитков неминуемо вела к разработке законодателем мер по преследованию лиц, нарушивших эту монополию. В одном случае это касалось лиц, которые не имели права производить спиртное для продажи; в другом – лиц, которые не имели права производить алкогольные напитки для собственных нужд; в последнем – лиц, которые не имели права хранить, провозить и продавать эти напитки. Меры взыскания применялись как к производителю, так и к покупателю спиртного. Эти меры ожесточались по мере их рецидива: штрафы от 2 до 10 руб. с производителя; штрафы с полу полтины до 1 рубля с «питухов»; «битье» батогами; тюрьма от 2 дней до одной недели; передача на поруки общинам и др.

Необходимо отметить, что введение в России монополии на алкогольные напитки способствовало росту пьянства, а также «пьяных» доходов государства. Реформы в «питейном деле» следовали одна за другой. К 1863 г. изготовление пива и медоварение в России сошли на нет. Доходы казны от продажи водки росли из года в год. В первой четверти XVIII в. казна получала от продажи водки более 1 млн рублей, в конце XIX в. доходы составили 300 млн рублей [7]. В 1863 г. изготовление водки приобрело промышленный характер, цена на нее снизилась. Рост алкоголизма в стране значительно увеличился, пьянство стало массовым.

Значение термина «антиалкогольное законодательство» можно объяснить содержанием понятий, его составляющих. «Анти...» [гр. *anti* ...] – приставка, обозначающая противоположность или враждебность чему-либо. То есть это деятельность, направленная против алкоголя, против его производства, против его продажи, против его потребления, против последствий его употребления. Поэтому в данном случае можно говорить о вопросах ограничения или запрещения производства, хранения, продажи и потребления алкогольных напитков, пресечения социальных отклонений, связанных с состоянием опьянения. Отсюда видно, что объем содержания этого понятия намного шире сложившихся представлений ученых и практиков об антиалкогольной деятельности и антиалкогольном поведении.

При Петре I в России законодательно устанавливаются специфические наказания за пьянство к лицам «военного состояния». Так, в артикуле воинском записано: «когда кто пьян напьется и в пьянстве своем что злого учинит, тогда тот не токмо чтобы в том извинение получил, но по вине вящей жестокостью наказан быть имеет» [8]. То есть артикул содержит важную общую норму о пьяном состоянии как отягчающем вину обстоятельстве. Это положение сформулировано не в связи с каким-либо конкретным составом преступления.

Свод законов 1834 г. (ст. 113) гласит: «Всякий совершивший деяние в состоянии опьянения признается виновным». Причем уже в этом Своде проводилось различие между деянием, неумышленно совершенным в пьяном состоянии, когда опьянение, хотя и не служило оправданием подсудимому, но не влияло на смягчение наказания, и деянием умышленным, совершенным в пьяном виде, когда опьянение, наоборот, усиливало ответственность [9. С. 506].

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. содержало (в ст. 106) специальное положение о влиянии простого опьянения на ответственность и различало опьянение намеренное и ненамеренное:

- за преступление, учиненное в пьянстве, когда доказано, что виновный привел себя в сие состояние именно с намерением совершить сие преступление, определяется также высшая мера наказания, за то преступление в законах положенного. Когда ж напротив доказано, что подсудимый не имел сего намерения, то мера его наказания назначается по другим, сопровождающим преступление обстоятельствам;
- опьянение само по себе, хотя и приведшее в состояние беспамьятства, не только не может быть основанием невменяемости, но и не может служить причиной для смягчения наказания;
- опьянение, не доведшее до совершенного беспамьятства, не доказывает само по себе отсутствие преступного намерения, а потому суд не может признать деяние неосторожным только потому, что оно совершено в пьяном виде;
- понятие «опьянение» и «легкомыслие» не только не тождественны, но противоположны как по этимологическому, так и по юридическому их значению;
- общее правило о том, что пьянство не должно быть принимаемо в уважение при смягчении наказания, допускает исключение в тех случаях, в которых по роду совершенного преступления, сам закон смягчает наказание ввиду этого обстоятельства.

Под намеренным опьянением в данной статье подразумевались случаи, когда лицо привело себя в состояние опьянения с намерением совершить преступление. Совершение деяния в состоянии намеренного опьянения влекло за собой высшую меру наказания, предусмотренную за это деяние.

С начала XX в. отечественные правоведы указывают на взаимосвязь алкоголизации и преступности, приводят множество примеров преступных деяний, суть которых сводится к тому, что преступники в состоянии алкогольного опьянения совершали кражи, грабежи, разбой с единственной целью – добыть деньги на алкогольные напитки. А.А. Пионтковский утверждал, что алкоголизация «создает, фабрикует преступность» [10], в том числе несовершеннолетние в силу частого употребления алкоголя встают на несправедный путь.

Необходимо отметить, что спаивание народа сопровождалось постоянным ростом преступности. Криминологический анализ этих аномальных общественных явлений, проведенный различными авторами на фоне алкогольной ситуации конца XIX в., показал причинную обусловленность роста преступности, связанного как с экономическими, политическими, социальными факторами, так и с увеличением алкогольного потребления. И. Сикорский отмечал, что с увеличением потребления спиртного рост преступлений в 80–90-е годы XIX в. составил среди мужчин 10 %, женщин – 25 % [11].

Таким образом, подводя итоги политики царизма в отношении алкогольного потребления и борьбы с пьянством, можно сделать вывод, что причина и истоки пьянства перетекли из индивидуальных (страсть и невоздержанность, «излишество» в употреблении алкогольных напитков, незнание лучшего поведения, алкогольные предрассудки и т. д.) в социальные (алкогольные обычаи, участие в попойках, кутежах, пиршествах, диониссиях и вакханалиях [12]). Т. е. «ни горячие призывы к совести индивидуума, к его моральному сознанию, ни государственные мероприятия, сводившиеся к высокому уровню налогообложения торговли спиртом, к установлению ограничительных мер, не в состоянии дать благотворительных результатов в отношении борьбы с пьянством. Алкоголь стал физической потребностью масс благодаря окружающим социальным условиям. Поэтому вопрос об алкоголизме является социальным вопросом, и борьба с этим злом представляет одну из серьезных задач социальной политики» [13].

Все эти факторы следует учитывать при определении направлений борьбы с преступностью лиц несовершеннолетнего возраста, совершивших преступные деяния в состоянии алкогольного опьянения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Царская грамота Псковским воеводам князю Хилкову и Наумову, о назначенных на 132 год во Пскове новых головах для таможенного сбора и о прочих по оному распоряжениях. 25 августа 1623 г. – СПб., 1836. № 143. С. 203–206.
2. *Мартысевич И.Д.* Псковская Судная грамота. Историко-юридическое исследование. – М., 1951.
3. Запись Псковская о церковном суде. Прежде 1477 г. – СПб., 1836. № 103. С. 80.
4. Уставная Грамота Устюжны Железопольской. 5 июня 1614 г. – СПб., 1836. № 37. С. 76–78.
5. Наказ о суде и расправе в Заонежских погостах. 1598–1605 г. – СПб., 1836. № 30. С. 85.
6. *Прыжов И.Г.* История кабаков в России в связи с историей русского народа. – СПб., 1914. – С. 284.
7. *Ткачевский Ю.М.* Право и алкоголизм. – М., 1987. – С. 9.

8. Артикул воинский. 26 апреля 1715 г. // Российское законодательство X–XX веков. Т. 4. – М., 1986. С. 336.
9. Таганцев Н.С. Лекции по русскому уголовному праву. Часть Общая. Вып. 2. – СПб., 1886.
10. Пионтковский А.А. Роль алкоголизма в этиологии преступления // Журнал Министерства юстиции. 1903. № 4. С. 3–81.
11. Сикорский И. О влиянии спиртных напитков на здоровье и нравственность населения России. – СПб., 1899. – С. 86.
12. Якушев А.Н. Движение сторонников здорового образа жизни: история и современность. – М., 1993. С. 54–55.
13. Каннель В.Я. Алкоголизм и борьба с ним. – М., 1914. – С. 523.

С.А. Меликян

К ВОПРОСУ О КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО «БЫТОВОГО» ПРЕСТУПНИКА

Криминологическая характеристика несовершеннолетнего «бытового» преступника ничем не отличается от характеристики правопослушного (конформного) несовершеннолетнего. В то же время такое лицо, выступая против сообщества несовершеннолетних и всего общества в целом, отличается антиобщественным поведением особого свойства. Это неприятие норм подростковой субкультуры и раннее восприятие проблем взрослого («большого») общества. Действительно, вот составленный нами криминологический портрет несовершеннолетнего преступника изучаемого типа.

Это мужчина, достигший 16-летнего возраста, неверующий, окончивший общеобразовательную школу или иное среднеспециальное учебное учреждение, имеющий трудовой стаж (до 1 года), воспитывавшийся в неполной семье (бедной или среднего достатка).

Как видим, этот в значительной мере усредненный криминологический портрет несовершеннолетнего преступника в быту (семье) имеет то преимущество, что он построен «на личностных особенностях и свойствах характера, которые не поддаются объективной оценке», недостаток же состоит в том, что полученные в ходе настоящего исследования результаты «лишь в ограниченной степени допускают обобщения», имеющие решающее значение в плане выработки превентивных стратегий [1]. Поэтому с неизбежностью возникает вопрос, с чем сравнить полученный нами портрет несовершеннолетнего делинквента (преступника), чтобы быть уверенным в том, какие факторы личностного развития способствовали совершению им угона автотранспортного средства.

Исследования и теоретический анализ (Moffitt, 1993) свидетельствуют о том, что делинквентность несовершеннолетних развивается двумя путями. В одном случае мы видим несовершеннолетнего, который в очень раннем возрасте определяет свой путь делинквента на всю жизнь. Этим людям, которых Т. Моффитт называет «неисправимыми преступниками», отличает их асоциальное поведение в любых условиях и ситуациях. На протяжении всей своей жизни преступники этой категории обычно совершают целый ряд агрессивных опасных преступлений. В детстве «неисправимые преступники» на каждой ступени своего развития упускают возможности усвоить и отработать на практике те или иные просоциальные и коммуникативные навыки. В какой-то степени это обусловлено тем, что их отвергают и избегают дети-сверстники, а частично и тем, что их родители и другие опекуны разочаровываются в них и перестают в них верить. Как пишет Моффитт, ес-